

Неизвестный автор

**Вопросы философии и
психологии**

Книга 58

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н45

Н45 **Неизвестный автор**
Вопросы философии и психологии: Книга 58 / Неизвестный автор – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 308 с.

ISBN 978-5-458-04707-4

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.
Май-июнь 1901г.

ISBN 978-5-458-04707-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ученіе Канта о правѣ и государствѣ.

I. Вопросъ объ отношеніи права къ нравственности.

Въ основѣ юридической теоріи Канта лежитъ его ученіе объ отношеніи права къ нравственности. Эта коренная проблема философіи права нашла у него, если не всегда удовлетворительное, то весьма интересное принципиальное разрѣшеніе. Опредѣляя кратко и предварительно постановку этого вопроса у Канта, мы должны сказать, что различіе нравственности отъ права онъ указалъ вѣрно, но связи ихъ установить не могъ. Это было естественнымъ послѣдствіемъ его этического созерцанія.

Различіе нравственности отъ права, въ смыслѣ независимости нравственного сознанія отъ внѣшнихъ и принудительныхъ законовъ, должно было получить у Канта особенно рѣзкое выраженіе. Ибо никогда, ни прежде ни послѣ него, нравственность не отождествлялась въ такой мѣрѣ съ внутренней свободой личности отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ стѣсненій. По выраженію Канта, мораль должна быть утверждена, „независимо отъ какой-либо опоры на небѣ или на землѣ“. Безусловная внутренняя свобода, независимый отъ какихъ-либо внушеній самодержавный разумъ и истинная нравственность являются для Канта синонимами.

Но поставивъ нравственность на недостижимую высоту чистаго служенія долгу, къ которому не должны примѣшиваться никакіе иные помыслы и мотивы, Кантъ совершенно

устранить связь съ нею права. Представляя собою по существу внѣшній порядокъ жизненныхъ отношеній, право должно было, съ его точки зрѣнія, оказаться за тою гранью, которая обозначаетъ собою область нравственности. Возможность живительнаго взаимодействія двухъ областей, такимъ образомъ, исключалась, и право, взятое въ полной противоположности съ моралью, превращалось въ чисто внѣшнее исполненіе закона, которое самъ Кантъ обозначилъ однажды, какъ „Maschinenwesen der Polizei“ ¹⁾. А между тѣмъ именно въ области философіи права было важно понять нравственность не какъ отвлеченную норму, а какъ живую силу, которая проникаетъ въ борьбу интересовъ и страстей, чтобы примирить и облагодарить ее. Что такое право, какъ не результатъ этого примиренія, вызванный прикосновеніемъ нравственнаго начала къ жизни? Мы представляемъ себѣ правовой порядокъ прежде всего, какъ порядокъ реальныхъ отношеній, какъ практику жизни, какъ ту совокупность основныхъ и элементарныхъ требованій, безъ которыхъ самое существованіе лицъ въ обществѣ было бы немыслимо. Можно, конечно, и въ отношеніи къ праву поставить вопросъ объ его идеальной сущности, о его нравственной основѣ; но для того, чтобы опредѣлить проявленіе этой нравственной основы въ жизни, надо показать ея связь съ интересами и потребностями людей. А это само собою предполагаетъ, что нравственное начало можетъ сочетаться съ внѣшними мотивами хотя бы для того, чтобы подчинить ихъ себѣ. Но этого Кантъ не допускаетъ. Его категорическій императивъ боится соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ и замыкаетъ нравственную жизнь въ область чистой воли. Отсюда становится яснымъ неизбѣжный для его философіи результатъ: когда онъ хочетъ представить право въ связи съ нравственностью, оно теряетъ свои специфическія черты; когда же онъ пытается подчеркнуть специфическія черты права, оно утрачиваетъ свою

¹⁾ Kritik der prakt. Vern., S. 182.

связь съ нравственностью. Постараемся теперь характеризовать этотъ результатъ при помощи болѣе подробнаго анализа относящихся сюда взглядовъ.

Исходныя опредѣленія Канта относительно морали и права были изложены еще въ „Критикѣ практическаго разума“, подъ видомъ различія моральности и легальности. Согласно основной идеѣ этого сочиненія, моральность опредѣляется наличностью чистаго уваженія къ закону разума; это—долгъ ради долга. Если же это чистое настроеніе воли отсутствуетъ, и законъ исполняется по какому-либо внѣшнему побужденію, то въ такомъ случаѣ можно признать только легальность поступка ¹⁾. Отъ этихъ опредѣленій и отправляется Кантъ, когда онъ хочетъ установить связь морали съ правомъ. Способъ, какимъ могла быть обнаружена эта связь, былъ подсказанъ опредѣленіемъ морали. Если мораль есть долгъ, устанавливаемый закономъ разума, то искомую связь, очевидно, можно найти или чрезъ идею законовъ разума, или чрезъ понятіе долга. Кантъ подходит къ рѣшенію вопроса и съ той, и съ другой стороны.

Первую попытку въ этомъ направленіи мы встрѣчаемъ въ томъ параграфѣ „Ученія о правѣ“, гдѣ Кантъ старается подвести юридическіе законы подъ общую категорію законовъ моральныхъ, вытекающихъ изъ требованій чистаго разума. „Законы свободы,—говоритъ онъ здѣсь:—въ отличіе отъ законовъ природы, называются моральными. Поскольку они относятся къ поступкамъ и опредѣляютъ извѣстный внѣшній образъ дѣйствій, они считаются юридическими; если же, сверхъ того, они требуютъ и соотвѣствующихъ мотивовъ, они называются этическими“. Такимъ образомъ юридическіе законы, на ряду съ этическими, являются законами моральными, и въ качествѣ таковыхъ, имѣютъ апріорное происхожденіе. Они основываются не на томъ, что случается, а на томъ, что должно быть, согласно съ требованіями разума, хотя бы дѣйствительность не представляла для этого никакихъ примѣровъ.

¹⁾ Kr. der p. V. SS. 86—88, 181.

Сущность права опредѣляется здѣсь какъ разъ въ томъ отвлеченномъ и чистомъ выраженіи, о которомъ мы говорили выше,—въ его идеальной и нравственной основѣ. При такомъ пониманіи юридическій законъ является лишь частнымъ послѣдствіемъ категорическаго императива или нравственнаго закона разума. Но если даже принять, что это опредѣленіе достаточно поясняетъ связь права съ нравственностью, то никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы оно сколько-нибудь приближало насъ къ пониманію собственной природы права. Что можетъ означать требованіе дѣйствій, основанное на разумѣ, помимо всякихъ примѣровъ, какъ не чисто-моральную заповѣдь? Кантъ былъ сугубо правъ, когда онъ говорилъ, что все это—законы моральные.

Допустимъ, однако, что это опредѣленіе и не имѣетъ иной цѣли, кромѣ указанія моральной основы права. Достигаетъ ли оно своей цѣли? На это отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. Въ самомъ дѣлѣ, если моральная основа права указывается въ происхожденіи его изъ чистыхъ началъ разума, то остается непонятнымъ, какъ эта основа сочетается съ собственной сущностью права. Законъ разума есть законъ чисто внутренній, а юридическое законодательство, по разъясненію Канта, опирается на внѣшніе мотивы и имѣетъ внѣшній характеръ. Какимъ же образомъ возможно сочетаніе этого внѣшняго порядка съ моральными требованіями, исключаящими всякія внѣшнія побужденія?

Отвѣтъ на это могъ бы быть найденъ въ томъ обстоятельстве, что и нравственный, и юридическій законъ обращаются собственно къ внутреннему существу человѣка, къ его волѣ; при чемъ первый беретъ эту волю во всемъ объемѣ ея нравственныхъ стремленій, а второй лишь въ ея частичномъ проявленіи въ извѣстныхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Съ другой стороны, не только юридическій, но и нравственный законъ можетъ сочетаться съ внѣшними мотивами, формируя и подчиняя ихъ себѣ. Вотъ какимъ образомъ можетъ быть проложенъ путь для перехода отъ мо-

рали къ праву. Возможность внѣшнихъ интересовъ и побужденій въ области права нисколько не устраняетъ того, что свои высшія руководящія начала оно заимствуетъ отъ нравственности. Поэтому юридическіе законы могутъ исполняться не только въ силу внѣшнихъ соображеній, но и на основаніи нравственныхъ мотивовъ. Переходя въ юридическую область и получая здѣсь внѣшнюю санкцію, нравственные требованія не перестаютъ быть нравственными. Если право, какъ справедливо утверждаетъ Кантъ, не можетъ включать въ свои требованія внутреннихъ мотивовъ, то оно во всякомъ случаѣ и не исключаетъ ихъ. Напротивъ, оно предполагаетъ со стороны общества сочувствіе къ своимъ предписаніямъ, безъ котораго оно и не могло бы существовать.

Повидимому, къ этой мысли склонялся и Кантъ, когда въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ онъ утверждалъ, что всѣ юридическія обязанности суть вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности нравственныя. Въ этомъ утвержденіи мы находимъ другую попытку философа связать право съ нравственностью. Въ той первой попыткѣ, которую мы только что разсмотрѣли, связь указывалась въ общемъ законодательствѣ разума, изъ котораго, какъ изъ единаго источника, вытекаютъ и право, и нравственность. Теперь эта связь усматривается въ идеѣ обязанности, которая одинаково свойственна обѣимъ областямъ и роднитъ ихъ между собою. Кантъ выражаетъ это возрѣніе въ слѣдующемъ рядѣ мыслей.

Обязанности юридическія имѣютъ характеръ внѣшнихъ и основываются на мотивахъ внѣшняго свойства. Однако, въ качествѣ обязанностей, онѣ могутъ становиться предметомъ этическихъ велѣній. Ибо этическія предписанія относятся ко всему, что только можетъ быть обязанностью; они касаются какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ обязанностей; какъ тѣ, такъ и другія могутъ быть выполняемы по чистой идеѣ долга. Поэтому этическіе законы заключаютъ въ себѣ болѣе широкій кругъ предписаній, чѣмъ

юридическіе: кромѣ собственно-этическихъ обязанностей, они предписываютъ и всѣ юридическія. Нѣсколько ниже Кантъ повторяетъ эту же мысль въ еще болѣе рѣшительной формѣ, говоря, что всѣ обязанности, откуда бы онѣ ни происходили, входятъ въ число этическихъ требованій. Смыслъ этого утвержденія усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ признаетъ существованіе такихъ юридическихъ требованій, обязательность которыхъ вытекаетъ исключительно изъ предписаній законодателя.

Но спрашивается, какимъ образомъ нравственность можетъ брать подъ свою охрану предписанія, имѣющія свое происхожденіе исключительно въ законодательномъ произволѣ? Какъ разумъ можетъ предписывать то, что не вытекаетъ изъ его требованій? Утвержденіе Канта, что всякая обязанность, *откуда бы она не происходила*, можетъ стать предметомъ этическихъ велѣній, противорѣчить его ученію объ автономіи воли, какъ коренному условію нравственности.

Это противорѣчіе совершенно ускользнуло отъ вниманія Канта, но онъ не могъ не замѣтить другого результата, вытекавшаго изъ ученія о совпаденіи юридическихъ обязанностей съ нравственными: при подобномъ ученіи всѣ обязанности, каково бы ни было ихъ происхожденіе и содержаніе, смѣшиваются въ одну неразличимую массу нравственныхъ требованій. Внѣшнія юридическія обязанности приравняются нравственнымъ, потому что и онѣ могутъ выполняться, помимо принужденія, изъ одного уваженія къ закону. Но стремясь понять ихъ связь, не утрачиваемъ ли мы опять ихъ различія? Чтобы избѣгнуть этого послѣдствія, Кантъ производитъ раздѣленіе этическихъ обязанностей на прямыя и косвенныя, *direkt-ethische und indirect-ethische Pflichten*.

На основаніи этого новаго раздѣленія, нельзя относить, напримѣръ, въ одну и ту же группу обязанности, вытекающія изъ договора, и акты благожелательства. Исполненіе договора есть не нравственная, а юридическая обязанность; она можетъ быть подкрѣплена принужденіемъ, и тѣ

случаи, гдѣ это возможно, относятся къ области права. Нравственность, съ своей стороны, предписываетъ исполнять подобныя обязанности и при отсутствіи принужденія, въ силу чистой идеи долга; но она беретъ эти обязанности не изъ своихъ специальныхъ предписаній, а изъ юридическихъ. Такимъ образомъ во внѣшнихъ результатахъ своихъ требованій право и нравственность могутъ совпадать; они различаются мотивами обязательности. Этика имѣетъ и свои собственные обязанности,—тѣ, съ которыми могутъ сочетаться только внутренніе мотивы. Таковы, напримѣръ, обязанности благожелательства. Но сверхъ того, она включаетъ въ себя и всѣ остальные обязанности, въ качествѣ косвенно-этическихъ.

Сбивчивая терминологія Канта не сразу даетъ возможность разглядѣть, что это дѣленіе обязанностей въ сущности совпадаетъ съ приведеннымъ выше дѣленіемъ законовъ. Здѣсь, какъ и тамъ, предполагается болѣе широкая область морали, съ подраздѣленіемъ ея на двѣ группы отношеній: собственно-этическихъ и юридическихъ. Различіе этихъ группъ опредѣляется возможностью или невозможностью для даннаго отношенія сочетаться съ внѣшнимъ принудительнымъ мотивомъ. Тамъ, гдѣ это невозможно (какъ, напримѣръ, въ проявленіи дурныхъ чувствъ), мы имѣемъ собственно-этическую область; въ противномъ случаѣ мы переходимъ въ область права. Тамъ и здѣсь можно предположить безкорыстное и добровольное исполненіе обязанностей,—по чистой идеѣ долга; поэтому обѣ сферы отношеній могутъ быть подведены подъ общее понятіе морали. Вотъ краткая формулировка весьма запутаннаго изложенія Канта, которое Кирхманнъ съ полнымъ основаніемъ обозначаетъ въ этомъ случаѣ, какъ „schwer verständlich und schwülstig“.

Въ той общей формулировкѣ, которую мы сейчасъ дали, скрываются недостатки кантовскаго дѣленія; но когда мы всматриваемся ближе въ его собственные положенія, у насъ возникаютъ снова тѣ же недоразумѣнія. Какимъ образомъ

юридическія обязанности, не входя въ кругъ этическихъ предписаній, могутъ относиться къ этикѣ, это остается непонятнымъ. Было бы естественнѣе произвести разграниченіе въ области самихъ нравственныхъ требованій, раздѣливъ ихъ на обязанности благожелательства и справедливости, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Шопенгауэръ. Такимъ образомъ, былъ бы вполнѣ удовлетворительно объясненъ переходъ нравственныхъ предписаній въ область права; была бы также объяснена и защита юридическихъ требованій со стороны нравственности. Обязанности благожелательства и любви не могутъ быть предметомъ юридическихъ предписаній и всегда останутся чисто этическими и внутренними. Напротивъ, требованія справедливости по своему характеру допускаютъ принудительное осуществленіе и одинаково могутъ охраняться какъ нравственностью, такъ и правомъ.

Само собою понятно, почему Кантъ не прибѣгнулъ къ этому выходу. Вѣдь это значило бы въ области нравственного законодательства производить разграниченія по содержанию, между тѣмъ какъ его этическая точка зрѣнія была чисто формальной. Поэтому онъ и говоритъ все время, какъ о единственномъ характерномъ признакѣ нравственности, о формальномъ принципѣ долга. Дѣйствовать исключительно по идеѣ обязанности, помимо всякихъ иныхъ побужденій, вотъ что называется нравственнымъ. Ясно, что для разграниченія морали отъ права, только и оставалось воспользоваться этимъ формальнымъ признакомъ ¹⁾. Но такъ какъ всѣ обязанности, откуда бы онѣ ни происходили, мог-

¹⁾ Во второй части *Metaphysik der Sitten*, озаглавленной «Ученіе о добродѣтели» Кантъ производитъ и разграниченія матеріальныя; но какъ справедливо замѣчаетъ Б. Н. Чичеринъ, это сочиненіе «содержитъ въ себѣ существенныя уклоненія отъ чистыхъ требованій категорическаго императива... Кантъ искалъ содержанія для своего формальнаго закона, но такъ какъ скептическая точка зрѣнія не допускала внутренней связи противоположныхъ элементовъ, то онъ просто взялъ отвергнутыя имъ начала счастья и совершенства, стараясь эклектически приладить ихъ къ собственнымъ своимъ выводамъ». Ист. под. уч. ч. 3, стр. 342.

ли удовлетворить этому признаку, то приходилось создать рубрики прямыхъ и косвенныхъ нравственныхъ обязанностей. Такимъ образомъ какъ будто бы устанавливалось разграниченіе двухъ областей, съ сохраненіемъ ихъ внутренней связи; но на самомъ дѣлѣ это былъ результатъ только кажущійся. Исходныя положенія Канта препятствовали ему разрѣшить эту задачу безъ противорѣчій.

Часто указываютъ на то, что „Ученіе о правѣ“, какъ произведеніе старѣющаго философа, носить слѣды недостаточной разработки и умственной усталости. Это можетъ быть вѣрно въ отношеніи къ подробностямъ и къ общей композиціи сочиненія; но въ основныхъ своихъ положеніяхъ оно представляетъ собою вѣрное отраженіе нравственной философіи Канта со всѣми ея особенностями. Вотъ почему оно поучительно даже своими противорѣчіями, поскольку они вытекаютъ изъ его общаго взгляда и служатъ обнаруженіемъ его односторонностей.

Если общія положенія Канта исключали возможность яснаго и понятнаго перехода отъ нравственности къ праву, то, съ другой стороны, они ставили для философа серьезныя препятствія и при характеристикѣ самой сущности права. При выполненіи этой задачи первымъ условіемъ является строгая опредѣленность дѣли и точки зрѣнія. Для юриста понятіе права будетъ представляться въ иныхъ терминахъ, чѣмъ для моралиста и философа. Какого же опредѣленія ищетъ Кантъ? Объ этомъ онъ самъ заявляетъ съ достаточной ясностью. Въ философскомъ опредѣленіи этого понятія требуется, по его словамъ, не описаніе какихъ-либо временныхъ юридическихъ установленій, а указаніе того общаго критерія, съ помощью котораго можно отличить право отъ не-права.

Легко видѣть, что вопросъ ставится здѣсь на почву этики; требуется опредѣлить нравственную основу права, его высшій руководящій принципъ. Но разрѣшить этотъ вопросъ нельзя иначе, какъ послѣ удовлетворительнаго разъясненія связи права съ нравственностью. Понятно что для

Канта и здѣсь возникали все тѣ же непреодолимые затрудненія.

Высшимъ требованіемъ морали является по его ученію, требованіе нравственной автономіи. Этотъ принципъ указываетъ на внутреннее самоопредѣленіе воли, на ея независимость отъ чувственныхъ побужденій. Соответственно съ этимъ, и руководящимъ началомъ права признается свобода личности. Это есть единственное первоначальное право, принадлежащее каждому, какъ человѣку. Связь этой юридической свободы съ нравственной автономіей ясна. Но для обоснованія права этого мало. Въ юридической области свобода проявляется въ цѣломъ рядѣ конкретных правомочій, изъ которыхъ и слагаются наши субъективныя права. Эти правомочія связаны съ внѣшними интересами и цѣлями, и если ихъ возможно подвести подъ тотъ высшій принципъ свободы, то лишь въ томъ предположеніи, что онъ заключаетъ въ себѣ эту возможность внѣшнихъ проявленій. Моральный принципъ Канта этому предположенію не соответствуетъ. Поэтому-то ему и приходится только сказать, что практическій разумъ *не запрещаетъ* этихъ проявленій: „So kann sie (die praktische Vernunft) in Ansehung eines solchen Gegenstandes kein absolutes Verbot seines Gebrauchs enthalten“... Такъ устанавливается дозволительный законъ разума, „дающій намъ полномочіе, котораго мы не могли бы вывести изъ чистаго понятія о правѣ вообще“ ¹⁾.

Этими послѣдними словами Кантъ самъ признаетъ, что изъ пракческаго разума нельзя вывести никакихъ конкретных правомочій. Со стороны морали праву выдается разрѣшительная грамота съ надписью: „kein absolutes Verbot“; а это очень недостаточно. Гдѣ же здѣсь отыскиваемое моральное понятіе права? Гдѣ признаніе того, что правовая свобода имѣетъ нравственное предназначеніе—слу-

¹⁾ Ibid. S.—50.—Рѣчь идетъ здѣсь собственно о правомѣрномъ владѣніи внѣшними предметами, но это типическій случай проявленія права.